

«Джалиль из Башкирии»

Category: Kitapcy, Taryhy makalalar

написано kitapcy | 26 января, 2025

«Джалиль из Башкирии» «ДЖАЛИЛЬ ИЗ БАШКИРИИ»

Хайрутдин Музай взял Прохоровку за 18 месяцев до исторического сражения

26 марта исполнилось 120 лет со дня рождения татарского поэта и прозаика Музагита Хайрутдинова. За что поэт боготворил Казань, почему фронтовые дневники командира полка подвергли цензуре, как звание полковника он получил за несколько дней до пленения: о героической и трагической судьбе поэта-фронтовика Музагита Хайрутдинова корреспонденту «БИЗНЕС Online» рассказывают сотрудники союза писателей РТ, документы и исследования.

• «0, народ немецкий, вникни в слова мои!»

В декабре 1941 года под Москвой 40-летний подполковник Красной армии Музагит Хайрутдинович Хайрутдинов, найдя в промерзлом блиндаже хоть какое-то пригодное местечко, писал «Открытое письмо немецкому народу от командира и поэта Хайрутдина Музая»:

Вы, поверив Гитлеру,
Превратились сами в бандитов.
Вздрогнула страна моя...
0, народ немецкий!

В своих руках пока судьба твоя,
Задумайся, вникни в слова мои,
На головы Гитлера и фашистов
Направь скорее бомбы свои.

Военная судьба-злодейка через два года предоставит возможность бывшему комполка Хайрутдинову, а с 1942-го – узнику концлагерей и одному из руководителей мощной подпольной группировки «Братское сотрудничество военнопленных» – самому воплощать в дело свой стихотворный призыв вместе с немцами и другими антифашистами в их борьбе с общим врагом.

Еще в годы становления профессионального военного командира – талантливого, справедливого, жесткого и требовательного – за ним вместе с тем была замечена и некая странность: в редкие часы и даже минуты отдыха, если удавалось уединиться, будущий полковник Хайрутдинов «тянулся к перу, перо – к бумаге». На свет являлись не только письма домой, дневники и разрозненные записки, но и прямо-таки по Пушкину – проза и стихи. Некоторые из них потом можно было прочитать в войсковой, в гражданской печати, а позже – и в отдельно изданных книгах. В то же время известна и фраза главного редактора газеты «Истоки», поэта Александра Филиппова: «Если бы полковник Хайрутдинов вернулся с войны живым, то непременно стал бы маршалом Советского Союза». Наш земляк был не только замечательным поэтом, но и весьма перспективным военным.

«В 1968 году в Татарском книжном издательстве вышла в свет книга под названием «Сугыш язмалары» («Летопись войны») (составитель – Самат Шакир), собранная из дневников и стихотворений не известного нам, тогда еще молодым поэтам, Хайрутдина Музая, татарского поэта и Героя Великой Отечественной войны, – пишет лауреат премии им. Тукая Гарай Рахим. – Мы были сильно удивлены, прочитав эти дневники. Это же надо так гениально, талантливо, с таким пылом и вдохновением уметь описать любовь к Родине в своих простых заметках! Эти дневники мы читали с таким же воодушевлением, как читают великие произведения литературы... Нас и всех любителей книги радует то, что наряду с Героем Советского

Союза поэтом Мусой Джалилем, удивившим весь мир своим героизмом, есть еще один мужественный татарский поэт – Хайрутдин Музай. Это еще раз подтверждает величие внутренней мощи нашего народа».

Фронтовые дневники Хайрутдина Музая «Летопись войны», напечатанные сотысячными тиражами уже после Великой Отечественной, начинаются с 20 августа 1941 года. Ранее написанные листы, повествующие о трагических событиях начала войны, не пропустила цензура.

4 сентября 1944 года (через месяц после того как были казнены джалиловцы) вместе с 92 советскими офицерами в концлагере Дахау был расстрелян и Хайрутдин Музай. Их еще не остывшие тела были сожжены в крематорских печах...

- **«Музагит по традиции считался сподвижником Мухаммеда»**

Хайрутдинов родился 26 марта 1901 года в татарской семье в селе Туркменево (Туркмен-аул), которое сейчас входит в состав города Октябрьского Туймазинского района Республики Башкортостан. В 1905 году в селе проживали 1 015 жителей, а к 1920 году население достигло 1 257 человек. Основным занятием местного люда было земледелие.

«На главной улице, у моста, жил со своей супругой Хайрутдин-абый, – рассказывает о становлении нашего героя писатель и публицист, исследователь культурного наследия Поволжского региона Мирсай Гариф (Марсель Гарипов). – Были у них две дочери – Марьям и Хаджуафа, сын Насретдин. Когда родился еще один сын, родители решили дать ему имя Музагит. Они были глубоко верующими мусульманами и дали первой дочери имя Марьям (персонаж из Корана, имя означает праведница, мать пророка «Исы»). А Музагитом по традиции считались все сподвижники Мухаммеда, через которых последующие поколения получали правовые знания.

Рос Музагит в многодетной семье, где каноны ислама определяли бытие. Семеро детей, отец с матерью да еще дедушка с бабушкой – все помещались в небольшом деревянном шестистенном доме на центральной улице Туркмен-аула, напротив старейшей в округе

деревянной мечети, а двор их соседствовал с усадьбой медресе. Как вспоминала сестра поэта, Музагит был в детстве сорванцом. Любимец матери и отца, он был простодушным, чем завоевал сердца друзей, был честным и открытым. Увлекался рыбалкой и охотой, учился в медресе хорошо и отлично справлялся с домашними обязанностями.

В детстве Музагит постоянно общается с природой. Отец его работал лесником-смотрителем у землевладельца Семена недалеко от села (в 10 верстах), у поселения Московка. Все лето Музагит проводил в лесу, а зимой возвращался в Туркмен-аул учиться в медресе. Он был прилежным учеником. Наизусть читал хадисы и суры из Корана. Талантливые ученики после нескольких лет учебы сами преподавали в младших классах. И Музагиту было доверено преподавание в медресе. В здании было небольшое отгороженное помещение, где он обучал азам ислама младших шакирдов.

В медресе Музагит изучил татарский язык в совершенстве, начал писать стихи. Книги в их доме были большой ценностью. Поэтический талант его раскрылся рано, еще в детстве он отвечал в шутку, а порой и разговаривал стихами как со старшими, так и с братьями и сестрами. Читал с упоением наизусть стихи Габдуллы Тукая, Мазита Гафури и других татарских поэтов.

С детства Музагит познал крестьянский труд. С 5–6 лет держал вожжи, с 7 лет полон картошку, морковку, а с 8 – ездил верхом на лошади. Его отец, высокий, стройный мужчина, был физически и духовно сильным человеком, а также добрым и чистоплотным. Очень любил детей, но сыновей не баловал: брал и на сенокос, и на лесовал, а Музагит с пяти лет был у отца на подхвате. И всегда, когда отец шел на работу, один из детей был с ним.

Детство и юность будущего поэта пришлось на время трех революций. В своем автобиографическом неоконченном романе «С большой дороги» Хайрутдинов описывает тяжелое время послереволюционных лет и гражданской войны. Медресе, где преподавал Музагит, закрыли. Продразверстка забрала последний хлеб. В голодный год отец, чтобы прокормить семью, вынужден был продать лошадь. Затем в расход пошли овцы и козы. Мать Музагита сдала весной в заклад даже новое платье за две

осьмушки муки из лебеды. Непросто было отцу Хайрутдину прокормить семью из 10 человек, к тому же он часто болел. Старший сын Насретдин был на войне, и основные тяготы легли на плечи Музагита. 16-летний юноша пошел пастухом к богачу села Нарыш Галимджану. У него было около полусотни овец, Музагиту поручались пасти отары и ухаживать за маленькими ягнятами. За полмесяца работы юный батрак получал каравай ржаного хлеба. Свое отношение к явлениям в обществе Музагит выражал в стихах:

Что помню в детстве? Ничего, что стоило б стиха.
Мне бедность памятней всего: ботва и шелуха».

Как поэт и писатель он состоялся в Казани

«Некоторые из его стихов публиковались в местных газетах, – отмечает в своей книге-сборнике „Хайрутдин Музай: жизнь и творчество“ Гариф. – Многие ранние записи находились у сестры Хаджуафы-апы. Ее муж Мухутдин-абый бережно хранил первые рукописи Музагита. Как свидетельствовали они, Музагит глубоко переживал смерть любимого поэта Габдуллы Тукая».

В 18 лет Хайрутдинов был призван в ряды Красной Армии. Окончив курсы по подготовке младших командиров, стал кадровым военным. Воевал с басмачами в Средней Азии, служил на пограничной заставе. Несмотря на сложное время на границе в Средней Азии, он продолжает творить. Стихи его посвящены мужеству и доблести пограничников, воинов, прошедших гражданскую войну.

В 1930 году Музай участвует в конкурсе татарских поэтов в Казани и занимает первое место. В начале 1930-х годов на границе становится спокойнее, и Музагит больше времени уделяет творчеству. Вместе с молодым татарским прозаиком Мирсаем Амиром организуют в татарских полках Ферганы и Ташкента литературные кружки. Мирсай читает отрывки из книги «Командир», а Музагит – свои стихи. В кружках принимает участие и молодой Абузар Турай – земляк Музая из села Бавлы. В 1932 году Музай пишет первую книгу «Оруженосцы», составленную из стихов и небольших рассказов. Голос поэта-воина бодр, полон веры в будущее. Медленно, но все же он продвигается по службе. Больше трех лет командует взводом,

затем пять лет – ротой. Человек творческий, он находит время и для литературной деятельности. Музай активно печатается в журналах «Наш путь», «Сельская молодежь», «Атака» и газетах «Красноармеец», «Ударник учебы», «Красный Татарстан».

Во время отпусков он бывает в Казани. В первой половине 1930-х годов активно публикуется в татарских периодических изданиях. Стихи, рассказы и очерки его выходят в журналах «Безнең юл» («Наш путь»), «Авыл яшьләре» («Сельская молодежь»), «Атака» и газетах «Кызылармеец» («Красноармеец»), «Уку ударнигы» («Ударник учебы»), «Кызыл Татарстан» («Красный Татарстан») и других изданиях.

Молодой поэт всегда стремился в столицу Татарии, все творческие планы писателя были связаны с Казанью. Стихи его стали известны через публикации в татарских изданиях. Первые стихи были напечатаны в газете «Кызылармеец». Об этом периоде творчества он пишет в журнале «Атака»: «Я писатель, формирующийся на страницах газеты «Кызылармеец»».

Некоторые стихи Музая были положены на музыку татарскими композиторами. Очень популярен был среди красноармейцев один из них – «Марш стрелков». По рассказу друга Музая, писателя Мирсая Амира, песня часто исполнялась красноармейцами в походах, казармах и на строевых подготовках. Произведение имело стройный ритм и красивое звучание рифмы.

Жизни и быту красноармейцев был посвящен и сборник стихов и очерков «Оруженосцы», который в 1932 году Музай издал в Казани, в редакции Гумера Гали. Музай пишет много и лирических стихов. Тема любви у поэта раскрывается в небольших по размеру стихах. Этому он научился у Хади Такташа. Прослеживается в творчестве поэта и влияние школы поэзии Тукая.

Воинская служба, которую Хайрутдинов нес со всей ответственностью, не давала возможности полностью отдаться творческой деятельности. Но все же Музай выкраивает время для стихов, поэм и даже сочиняет либретто к опере, которое, к сожалению, не было опубликовано.

В 1937 году Музай готовит вторую книжку стихов под редакцией Нура Баяна «Прекрасная молодость».

Опытному командиру поручают комплектование полка

В 1938 году на озере Хасан Музай участвовал в боях против японских самураев. Предчувствуя приближение войны на западных рубежах СССР, руководство страны перебрасывает офицеров, прошедших закалку на Дальнем Востоке у озера Хасан, в формируемые подразделения европейской части. Перед началом войны Хайрутдинову предлагается принять командование полком, как этого требовала военная обстановка. Музагит перевозит семью в город Славянск, а в конце июня уходит на фронт.

21-я армия, куда направили Хайрутдинова, была сформирована в июне 1941 года в Приволжском военном округе. Красному командиру с боевым опытом поручают комплектование стрелкового полка. 789-й полк в конце июля направляется на фронт и вступает в бои на западном направлении в составе 21-й армии. Во время боев на территории Смоленска и на Днепре Музагит ведет дневниковые записи, первые из которых датированы 20 августа 1941 года. Но это не изначальные страницы дневника Музая. Не пропущенные цензурой в книгу «Летопись войны» записи отображают истинное положение наших армейских подразделений в первые месяцы войны.

Музай пишет: «Мы все не можем найти штаб дивизии. Наши войска несут большие потери от авиации немцев... Вскоре 9 самолетов начали бомбить в те же места, куда сбрасывали уже бомбы. Несмотря на то, что видел эти трагедии издали, я на пять минут зажмурился до боли в глазах, чтобы не быть свидетелем страшного зрелища. Только вот разорванные и подбрасываемые в воздух тела людей, головы, руки, ноги, лошадиные головы, обломки телег все стоят перед глазами... Противник в начале войны беспощадно истреблял нашу живую силу, потому что пеших у гитлеровцев не было никого, все на танках, транспортерах. А за ними – воины на машинах. У наших на фронте нет моторов, против моторов немцев мы боремся пехотой... Какую бы густую пальбу мы ни вели из ружей и пулеметов, у них ничего не болит».

Вот такие горькие страницы жизни Музая сохранил Тагир Нурмухаметов – цензор книги «Летопись войны». Впоследствии он изложил их в газете «Шахри Казан». В своих дневниках позже Музай напишет: «Не знаю, каким чудом жив остался... Если бы не Родина в сердце, то не ходил бы с самого первого дня, днем и

ночью, рядом со смертью». Своей смелостью, героизмом Хайрутдинов завоевывает уважение среди красноармейцев. Он знает многих бойцов, в своих беседах интересуется их довоенной жизнью, доходит до сердца каждого, разделяет и горе, и радость с подчиненными. За небольшой период войны он снискал любовь и уважение не только среди бойцов, но и у командующего состава.

• Первым в истории войны Прохоровку у немцев отбил полк Хайрутдинова

В начале декабря 1941 года, когда подразделения полка и дивизий были на учениях, немцы заняли станцию Прохоровка в Белгородской области. Командир дивизии полковник Геворк Тер-Гаспарян поставил задачу перед Хайрутдиновым: на сборе истребителей дивизии его полк должен продемонстрировать, как следует уничтожать вражеские танки. Музагит отправился на рекогносцировку – личную разведку расположения противника на местности в районе предстоящих боев. В 38 км от Прохоровки решили устроить на равнине учебное «истребление танков». А тут приходит донесение, что немцы вступили в Коломейцево, в 12 км отсюда. Так что и настоящие немецкие танки могли подойти к рубежам учения. А на учениях нужны мишени, и командир проявил смекалку. Вот что пишет Музагит в своих дневниках: «Вчера (т. е. 3 декабря 1941 года) по дороге из первого батальона заметил три ветхие веялки, брошенные в поле. Говорят, курице голодной снится просо, вот они, думаю, „танки“. Посади ты сверху бочки да поставь на сани – чем не мишени для истребителей? Эти самые „танки“ сегодня подвигали и сжигали до двух часов дня». Дивизионные учения отчасти позволили вести оборону против превосходящих сил противника и порой переходить в смелые наступления. Тер-Гаспарян поручил Хайрутдинову и его комиссару Евдокимову атаковать врага, засевшего в Прохоровке. Группировка немцев в селе по численности и оснащённости оружием в несколько раз превосходила силы полка Хайрутдинова. 6 декабря командир сам лично выезжает в села Сагайдачное и Призрачное, чтобы подготовить наступление на Прохоровку. В течение дня настраивает роты на атаку, и в 5 часов утра 8

декабря 1941 года подразделения полка начинают наступление. Но это был только первый штурм. Полк Хайрутдинова предпринял 10 атак и освободил Прохоровку только 20 января 1942 года. То есть бои за это большое село на пересечении железнодорожного и автомобильного путей на подступах к Харькову шли 43 дня. Спустя 18 месяцев это село станет известно всему миру: 12 июля 1943 года в ходе Курской битвы здесь произойдет самое крупное танковое сражение в истории.

- **«Поэт – и на войне поэт»**

В перерывах между боями Хайрутдинов пишет стихи, направляет свои рукописи в журнал «Совет адабияты». В этот день командир получил письмо от писателя Фатиха Хусни, работавшего в издании. В письме сообщалось, что некоторые его стихи опубликованы в журнале, а другие наметили к публикации в следующих номерах. Творчество помогало переживать тяжелый быт войны, придавало силы полковому командиру.

В третьем номере журнала «Совет адабияты» за 1942 год Музагит публикует очерк «Молоко», в котором рассказывает о трагедии украинской женщины Ганны Павлюк. Она дома кипятила молоко, чтобы накормить двоих детей. В дом зашли пятеро фашистов. Хозяйка поставила на стол буханку хлеба. Гитлеровцы потребовали налить молоко. Ганна, докипятив молоко, поднесла к столу и облила им фашистов. Разъяренные гитлеровцы схватились за ножи, оружие и расстреляли семью, затем издевались над телом матери: раскололи череп, выкололи глаза и отрезали груди. Бесчеловечные действия, вандализм поэт не мог описать в стихах, поэтому эти пять страниц родились в виде очерка. В нем Музагит описывает контрасты войны: на фоне зреющих хлебов, плодоносящих садов, красивого хутора – зверства фашистов и их попрошайничество, унижительные дощечки с надписями: «молоко, сало, масло, курица, яйцо, хлеб».

Фронтовые будни – это не только бои и потери, но и маленькие человеческие радости. Вот дневниковая запись, сделанная Музаем: «Последний раз мылись в бане в Славянске 28 июня. Сегодня снова посчастливилось. Конечно, не так часто, как

хотелось бы, но мы-то и этому рады». На другой день Музагит напишет: «Здесь, как и у нас на Ике, в Башкирии, ежевики видимо-невидимо. Сегодня целый день лазили в кустах, лакомились ягодами. Пальцы и губы стали синими-синими».

Далее Хайрутдинов записал: «Мы опять у Каневского моста. Сюда привел нас полученный ночью боевой приказ. Наша задача – не пропустить врага из Киева на эту сторону Днепра. Коротко и ясно».

До этого батальон Шеверева, перебравшись ночью через Днепр на крутой вражеский берег, выбил фашистов и подавил их минометную точку. События описаны в самом начале дневника Музая «Летопись войны», а письма 8 фронтовиков с Украины позволяют восстановить достоверную картину исторических событий с конца июля до 20 августа 1941 года (начало опубликованных дневниковых записей).

Во время Великой Отечественной войны, в перерывах между боями, Хайрутдинов пишет рассказы, стихи, заметки в журнал «Совет эдэбияты». С лета 1941 года и до пленения Музай написал около 200 страниц дневников, опубликовал в журналах около 20 произведений.

Поэт переписывается с редактором журнала «Совет эдэбияты» Хусни, о чем помечает в дневниках. Письма из Казани, слова друзей-писателей согревали душу поэта и придавали новые силы для творческих работ на войне. Поэт пишет Хасану Туфану стихотворение, в котором сетует на то, что так и не удалось вдоволь пообщаться за чашкой чая возле самовара.

В Казани друзей у поэта было много: писатели Мирсай Амир, Нур Баян, Гумер Гали, Абузар Турай У них были частые чаепития.

Музай стремится к тому, чтобы все написанное им дошло до соотечественников – друзей в Казани. На фронтовых дневниках он предусмотрительно пишет на случай их потери пункт доставки: «Подлежит к отправке как рукопись по адресу: г. Казань, Татгосиздат, ул. Баумана, Дом печати». Писатель верил, что написанные им произведения будут опубликованы в ТАССР.

Лишь спустя много лет после смерти поэта усилиями татарского писателя Самата Шакира литературное наследие поэта увидело свет, и о его подвиге узнала вся страна. Этому способствовало

и трагическое произведение Ильдара Юзеева, повествующее от имени Музая «Ненаписанная поэма», вышедшее в свет в 1968 году. За год боевых действий Хайрутдин Музай исписал четыре общие тетради дневников и переправил их супруге в Пензу. Дневниковые записи Музагита заканчиваются 3 мая 1942 года, когда готовилось наступление на Харьков...

• Звание полковника он получил в окружении, за несколько дней до плена

Полк под командованием Хайрутдинова попадает вместе со многими дивизиями и тремя армиями в окружение. В течение месяца идут ожесточенные бои. Полк несколько раз отбивает атаки превосходящих сил противника, затем успешно наступает, и за взятие крупного села Муром комполка Хайрутдинову было присвоено звание полковника. А приказом чуть раньше (2 мая 1942 года) командир 789-го полка был направлен слушателем Высшей военной академии им. Ворошилова. Но это извещение не дошло до него...

30 июня 1942 года немцы начали наступление в направлении Сталинграда. Кольцо окружения вокруг полка смыкалось, а приказ гласил: «С рубежа не уходить!» Хайрутдинов отправляет красноармейца с последним донесением, ему же он передал дневник и тетради стихов. 14 июля 1942 года во время тяжелого боя на берегу Дона полк был разбит. Тяжело раненный полковник Хайрутдинов оказался в плену.

«Ранней осенью 1942 года в Мозбургском распределительном лагере, в шталаге VII-A, сошлись группы советских военнопленных, согнанных из лагерей и тюрем Кривого Рога, Владимира Волынского, Нюрнберга, а также из Севастополя, Керчи, Харькова и Ростова, – сообщает Гариф в своей книге-сборнике об исследованиях судьбы и творчества поэта-полковника Музагита Хайрутдинова. – Среди них стала складываться организация. Группа офицеров возглавила центр по устройству побегов. Но она практически была изолирована от основной массы военнопленных и не имела никаких контактов с узниками-иностранцами. В ней еще не было четкой структуры. Не было и

определенной программы. Последняя была разработана на специальной встрече активистов сопротивления: полковника Тарасова, подполковников Шихерта, Хайрутдинова, Шелеста, майоров Громова, Озолина и Макарова. Программа предусматривала: 1) оказание помощи раненым, контуженым, ослабевшим товарищам; 2) ведение антифашистской пропаганды; 3) организацию саботажа; 4) вовлечение военнопленных в организацию; 5) организацию побегов и при возможности – вооруженных выступлений. Что же касается структуры организации, то офицеры единодушно заключили, что присяга и устав Красной Армии обязательны и для военнопленных, подчинение младших старшим остается в силе; долг советского офицера, где бы он ни находился, – вести активную борьбу против фашизма.

Это был один из многочисленных отрядов разветвленной организации советских военнопленных БСВ («Братское содружество военнопленных»). Сложившееся поначалу как подпольное объединение советских военнопленных и офицерский союз, БСВ вскоре превратилось в самую массовую организацию сопротивления советских узников всех типов фашистских лагерей, охватившую южную Германию, а также приграничные районы Австрии и Чехословакии. Затем в него были вовлечены заключенные из других стран, и оно вошло в контакт с немецкими национальными центрами сопротивления, в частности с АННФ – Антинацистским народным фронтом – и создало вместе с ними единые руководящие центры».

В начале 1943 года власти Мюнхена соорудили лагерь для советских военнопленных в самом городе, на Шванзеештрассе, для работ по разборке развалин, оставленных авиацией союзников, или, как выражался начальник Мюнхенского управления гестапо штандартенфюрер Освальд Шефер, «для работы по ликвидации последствий террористических налетов на Мюнхен». В лагере сложилась одна из самых сильных организаций БСВ. В центр подполья вошли Карл Озолин – председатель комитета, Георгий Фесенко (Иосиф Соломонович Фельдман), Михаил Зингер, Владимир Моисеев (Борис Львович Гройсман), Георгий Старовойтов, а также уполномоченные по баракам Иван Мишаков, Хайрутдинов, Николай

Баранов, Михаил Шихерт. Ближайшей целью организации стал курс на вооруженное восстание, которое должно было начаться с захвата находившейся рядом с лагерем зенитной батареи ПВО. Сроки восстания должны были выбрать и определить руководители немецкой коммунистической группы в Мюнхене.

- **Его подпольная кличка была Самсон**

Параллельно разворачивались другие события, раздвигавшие рамки деятельности БСВ... В середине лета 1943 года в лабиринтах Мюнхенского ботанического сада состоялась тайная встреча инициативной группы по объединению усилий БСВ с антифашистской деятельностью советских граждан, угнанных на рабский труд в фашистскую Германию. Успех начинания был обеспечен тем, что среди «восточных рабочих» на предприятиях, в крестьянских хозяйствах, государственных учреждениях и частных домах стали появляться опять же советские солдаты и офицеры: БСВ устраивало им побег из лагерей для военнопленных и снабжало подходящими документами.

Контакты АННФ с сетью организаций БСВ в лагерях и командах Мюнхена осуществлялись через коммунистов. Не проходило и дня, чтоб не состоялась та или иная акция. Выходили из строя станки и машины, раздавались взрывы на заводах и в государственных учреждениях. Диверсии на паровозоремонтном заводе, заводах «Ноймайр и К°», на шахтах под Мюнхеном, аварии на баварских железных дорогах, политические волнения на предприятиях, распространение сводок Совинформбюро, приказов Верховного Главнокомандования СССР, листовок и прокламаций – ко всему этому имели прямое отношение антифашисты из БСВ и АННФ, объединившиеся в своей ненависти к фашизму.

В книге Гарифа «Хайрутдин Музай: жизнь и творчество» опубликованы воспоминания его земляка Вали Бикташева, политрука 2-й батареи 96-й стрелковой дивизии, тоже попавшего в плен узника Дахау: «В Мюнхене в архиве гестапо есть документ-донесение, в котором говорится, что члены подпольной организации имели клички. В частности, у Музагита Хайрутдинова была кличка „Самсон“, которую поэт взял из библейской

мифологии».

Одно время Хайрутдинов в составе группы военнопленных был загнан на угольные шахты в Пенцберге под Мюнхеном. Офицеры БСВ установили крепкие связи с антифашистски настроенными горняками и с их помощью организовали в октябре 1943 года массовый побег военнопленных. Созданная ими подпольная организация продолжала борьбу и после того, как власти вывезли всю команду русских узников, «обученных коммунистов», по выражению одного из полицейских чиновников.

В начале апреля 1945 года шахтеры Пенцберга воспрепятствовали намерению эсэсовцев взорвать перед приходом американцев шахты, водокачку, подстанцию, мосты и другие узлы, уничтожить узников рабочих лагерей. Они свергли нацистскую власть в городке, создали из социал-демократов и коммунистов собственную магистратуру, организовали народную милицию. Фашистские власти Баварии обрушили на горняков объединенные силы эсэсовцев, гестапо и подразделений вермахта. Были арестованы сотни людей, а 17 руководителей нового демократического правительства Пенцберга публично казнены. Тогда на всю южную Германию прозвучали имена советских активистов БСВ, чьи идеи вдохновляли революционных шахтеров. Среди них было имя и нашего Музая.

• Приказ о ликвидации подпольщиков подписали Гиммлер и Кальтенбруннер

О существовании среди советских военнопленных подпольной организации гестапо догадалось рано, но напасть на след долго не могло. Тогда по приказу Генриха Гиммлера и Эрнста Кальтенбруннера при мюнхенском гестапо был создан спецотдел по выявлению и ликвидации организации. Гитлеровцы, как всегда, прибегли к шпионажу, шантажу, провокациям, заселили русские лагеря шпионами, вновь и вновь устраивали облавные аресты.

В первых числах января 1944 года гестаповцам удалось выследить связных БСВ, весной и в начале лета этого же года в Дахау стали проникать печальные известия о том, что в соседнем лагере Перлах и ряде рабочих лагерей Мюнхена разгромлены

подпольные группы советских военнопленных, причастных к антифашистской организации БСВ. Под подозрение попал и Хайрутдинов.

Допросы 92 офицеров и других боевиков БСВ продолжались больше месяца, в последние дни перед вынесением приговора их стали пытаться даже ночью. В книге-сборнике о Музае ее автор Мирсай Гариф публикует свидетельство его земляка, последним из оставшихся в живых и видевшего полковника: «На Хайрутдинова страшно было смотреть. Мертвен! На его лице и теле видны были следы всех тех зверских пыток, при помощи которых гестаповцы в течение чуть ли не двух месяцев пытались заставить его заговорить. Челюсти исковерканы, зубы выбиты, глаза в страшных кровоподтеках. На груди из-под лохмотьев рубашки виднелась окровавленная выжженная полоса, кажется... свастика!.. Лицо и уши Музагита были покрыты волдырями. Фашисты пытались его, обжигая голову паяльной лампой. Волосы и брови были сожжены. По изуродованному лицу Музагита-ага катились слезы. Теперь он мог разрешить себе такое...»

И этот человек, уже видевший перед собой смерть и – что в тысячу раз хуже – новые и новые мучения на допросах, сочинял стихи. Два стихотворения, записанные на обрывках фашистских газет, он передал на свободу: «Варвары двадцатого века», «Родина-мать, прости!». Стихи отличались ярко выраженным патриотизмом, глубокой ненавистью к пожирающему людей фашизму. Поэт с тоской и любовью вспоминал обо всем, что ему дорого, и проклинал нацистов – варваров XX века, обезобразивших землю. «Было ясно, что гитлеровцы боялись этих людей»

Бывший узник Дахау, немецкий антифашист Карл Редер сообщил в Советский комитет ветеранов войны: «В воскресенье, 3 сентября 1944 года, узникам четвертой штубы 27-го следственного блока было объявлено, что их переведут в другую, внешнюю команду концлагеря.

В понедельник утром, 4 сентября, их вывели, вытащили на Аппельплац и, как смогли, построили. Через некоторое время появился комендант в сопровождении рапорт фюрера и других эсэсманов. Была проведена поименная проверка. Затем осужденных на казнь под усиленным конвоем увели за ворота... Перед моими

глазами до сих пор стоят эти решительные люди, спокойно, невозмутимо идущие на казнь, а вокруг рычащая свора эсэсманов, похожих на собак.

Было ясно, что гитлеровцы боялись этих людей.

В 9 часов за стеной крематория раздался первый залп, чуть погодя – одиночные выстрелы. Добивали... наших людей приводили из лагеря небольшими партиями. Да и тут делили на две группы. Одна оставалась в помещении газовых камер, другую вели к стене на деревянный решетчатый помост, который закрывал ров длиной около 15 метров, шириной до метра.

Это продолжалось два часа. Залп и одиночные выстрелы... Залп и одиночные выстрелы... Но однажды раздался крик: «Бей гадов!» Тут же донеслись возгласы: «За Родину!» А стрельба пошла вразнобой...

Вечером Оскар Мюллер рассказал, что группа приговоренных напала на палачей и их не столько расстреливали, сколько закалывали кинжалами в рукопашном бою, навязанном советскими офицерами. Так они и дрались с врагом до последнего вздоха, лучшие сыны нашей Родины».

Весть о гибели советских офицеров через мюнхенское подполье была передана на родину. В тот же день по инициативе дахауских югославов ушло воззвание советского подполья к партизанам, не прекращавшим героической борьбы против фашистских оккупантов:

«Товарищи партизаны! Коммунисты!

Чем ближе гибель и разорение звериного логова фашизма, тем яростнее гестапо уничтожает нас, заключенных. Сегодня палачи беспощадно расстреляли 92 советских офицера-коммуниста во главе с полковником Тарасовым. Они приняли смерть мужественно».

- **«Много сходства в судьбах этих поэтов-героев»**

«Музагит Хайрутдинов – такой же герой, как Муса Джалиль, – высказал свое мнение корреспонденту «БИЗНЕС Online» поэт, писатель, драматург и публицист Ркаил Зайдулла, председатель союза писателей Республики Татарстан. – Много сходства в судьбах этих двух поэтов. Оно не исчерпывается тем, что тот и

другой попали в плен во время Великой Отечественной войны, вели в заключении антифашистскую борьбу и, в конце концов, заплатили за это жизнью: один – в концентрационном лагере Дахау, другой – в берлинской тюрьме Плетцензее. Оба, Музай и Джалиль, в юности поверили в коммунистическую идею и служили своим творчеством построению социалистического государства. Правда, Мусагит Хайрутдинов не мог в полной мере реализовать свое дарование, так как всю сознательную жизнь был кадровым военным, служил, выражаясь современным языком, в горячих точках. Тем не менее он оставался поэтом, вел дневники, живо интересовался литературным процессом, а перед самой войной вступил в союз писателей ТАССР. Имя Музая Хайретдина, разумеется, не должно быть предано забвению».

(Бизнес онлайн. Михаил Бирин).

Фотографии предоставлены Михаилом Бириним. Taryhy makalalar